

АНТРОПОЛОГИЯ

Р.И. Бравина*, **В.М. Дьяконов***, **Д.М. Петров***, **Е.Н. Соловьева***,
В.В. Сыроватский*, **А.Н. Багашев****, **О.Е. Пошехонова****, **С.М. Слепченко****,
Д.И. Ражев**, **Е.А. Алексеева****, **А.В. Зубова*****, **Я.В. Кузьмин******

*Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, Якутск, 677027, РФ

E-mail: bravinari@bk.ru; dyakonov_vm@rambler.ru; dmpetrov-92@mail.ru;
lenasolo05@mail.ru; syrovatskiy123@gmail.com

**Институт проблем освоения Севера СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, РФ

E-mail: bagashev@mail.ru; poshehonova.olg@gmail.com; s_slepchenko@list.ru;
rajevd0@gmail.com; alekseeva.elena.ae@gmail.com

***Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, РФ
E-mail: zubova_al@mail.ru

****Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
просп. Акад. Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, РФ
E-mail: kuzmin@fulbrightmail.org

ЖЕНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ XVII в. АТЛАСОВСКОЕ-2 ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЯКУТИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Представлены данные комплексного исследования женского захоронения XVII в. Атласовское-2 из Центральной Якутии. Особенность объекта заключается в обряде захоронения (следы ритуального обжига колоды, ориентировка на север) и составе предметов сопроводительного инвентаря (нож не-якутского происхождения, сфероконическое навершие головного убора с подставкой для плюмажа, парные накладные декоративные детали тульи головного убора, составное нагрудное панно из нашивных бляшек, серьга в виде знака вопроса с биконической бусиной-нанизкой), ближайшие параллели которым прослеживаются в культурах средневековых кочевников степной и лесостепной полосы Евразии, а также у населения лесной и лесотундровой зон Сибири XVI–XIX вв. Краниологические особенности погребенной сближают ее с представителями популяций центрально-азиатского и байкальского антропологического типов североазиатской формации.

Ключевые слова: *Центральная Якутия, позднее средневековье, погребальные памятники, погребение Атласовское-2, якуты, краниометрия, антропологический тип, рентгеноспектральный анализ, товарообмен.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-044-063

Введение

Женское погребение XVII в. Атласовское-2 было случайно обнаружено жителем г. Якутска Е. Захаровым на южной окраине города, в 9,65 км от его центра, при рытье ям для столбов забора на дачном участке СОТ Министерства образования Республики Саха (Якутия), в 120 м восточнее Ботанического сада Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова¹. О находке хозяин участка сообщил в сектор археологии ИГИИПМНС СО РАН. Раскопки погребения были проведены в сентябре 2014 г. Якутским отрядом археологической экспедиции ИГИИПМНС СО РАН. Данное погребение уникально среди якутских погребальных памятников как по обряду захоронения, так и по составу сопроводительного инвентаря, часть которого не характерна для традиционного якутского предметного комплекса. В программу междисципли-

¹ В 2003 г., в 263 м к югу-юго-западу от этого погребения, на территории Ботанического сада ЯГУ (ныне СВФУ), в схожих обстоятельствах было случайно найдено средневековое захоронение кулун-атахской культуры XIV–XVI вв., названное Атласовским-1 [Дьяконов, Афанасьев, 2004; Дьяконов и др., 2014; Багашев и др., 2016].

Женское погребение XVII в. Атласовское-2 из Центральной Якутии...

нарного изучения погребения Атласовское-2 вошли антропологические исследования, в том числе восстановление внешности погребенной, радиоуглеродное датирование, компьютерная томография и рентгеноспектральный микроанализ артефактов.

Условия обнаружения и датировка погребения

Местность в районе погребения представляла собой типичный кырдал — сухую межозерную возвышенность высотой 3 м (98 м по балтийской системе), окруженную ложбинами высохших водоемов и старицами из системы Атласовских озер, расположенных в центре ленской долины Туймаада. В месте обнаружения погребения был разбит раскоп размером 2×3 м, его глубина составила 71–83 см. Могильная яма длиной 230 см, шириной 52–62 см имела подпрямоугольную форму с неровными краями и округленными углами. На глубине 35–46 см от дневной поверхности была выявлена крышка гроба.

Гроб представляет собой деревянную колоду, ориентированную по оси север — юг, внутри которой находился костяк женщины, лежавшей вытянуто на спине, головой на север. Смещение верхней части скелета вправо объясняется вероятным размещением тела с опорой спиной на западную стенку колоды, т.е. вполоборота (рис. 1). В процессе тафономических изменений тело приняло горизонтальное положение. Кисть левой руки погребенной лежала в районе таза. Правая рука была согнута в локте, слегка высовывавшемся из колоды, а кисть покоилась в районе живота. Противоположная изголовью часть колоды была повреждена (разрезана плугом?), а яма для столба забора разрушила колоду ровно посередине. Длина колоды 212 см, ширина 33–44 см, высота 21–32 см. Колода имела снаружи следы воздействия огня в виде обугленности.

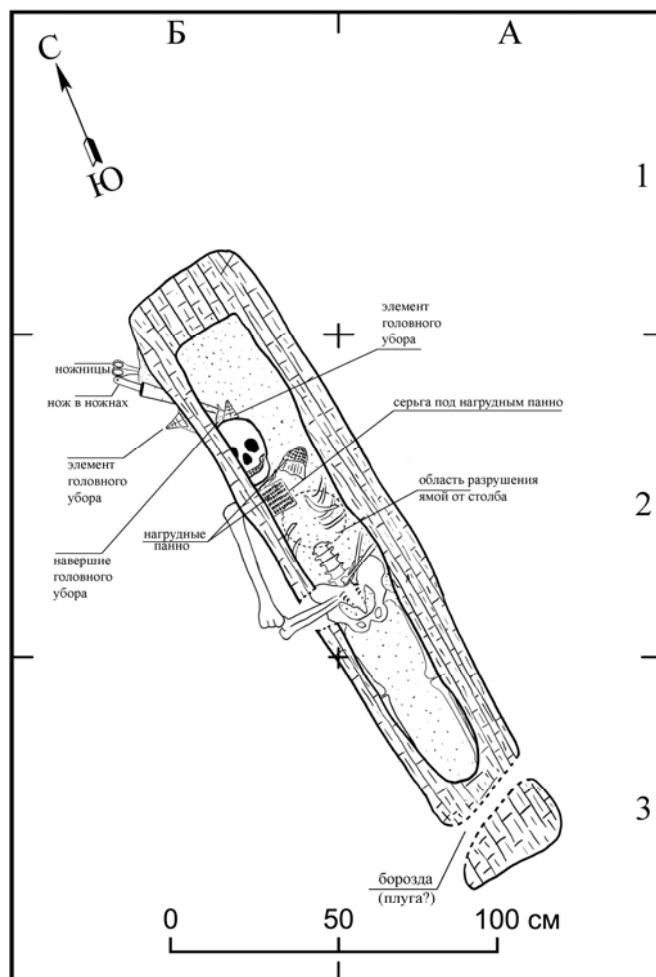

Рис. 1. План погребения Атласовское-2.

В могильном заполнении, у изголовья, на уровне крышки колоды, были найдены железные удила с кольчатыми псалиями-трензелями (рис. 2, 7), а у изножья — железное стремя (рис. 2, 6). На дне могильной ямы, с внешней стороны западной стенки, в районе головы, располагались железные, так называемые «овечьи» ножницы (рис. 2, 5) и железный нож с костяной рукояткой в берестяных ножнах (рис. 2, 1–4).

У черепа, в области темени, найдено сфероконическое навершие головного убора с выполненным методом чеканки сложным спиралевидным орнаментом и отверстием посередине, на которое была припаяна или приклеена металлическая втулка для крепления плюмажа (рис. 3, 2). С обеих сторон головы найдены две металлические подтреугольные фигурные пластины с отчеканенным на них сложным орнаментом (рис. 3, 1). В области груди обнаружены парные кожаные нагрудные панно с нашитыми на них металлическими фигурными бляшками (рис. 3, 4), под панно располагалась крупная проволочная серьга в виде знака вопроса с бусиной-нанизкой из цветного металла с костяной сердцевинкой внутри (рис. 3, 3).

Для погребения получены три радиоуглеродные даты: две в радиоуглеродной лаборатории Института мерзлотоведения СО РАН им. П.И. Мельникова (г. Якутск) по бензолно-сцинтилляционному методу, одна в Университете Джорджии (г. Афины, шт. Джорджия, США) методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS). По образцу древесины от гроба определена дата 270 ± 120 л.н. (MPI-60), имеющая большую среднеквадратичную ошибку измерения. По образцу кости человека получена дата 245 ± 135 л.н. (MPI-61), также имеющая значительную большую среднеквадратичную ошибку. Это обстоятельство не позволяет использовать даты якутской лаборатории для установления хронологии памятника. Дата, полученная методом AMS, — 245 ± 20 л.н. (UGAMS-21813). Калибровка даты для $\pm 2\sigma$ (вероятность 95,4 %) — 1640–1960 гг. н.э. Внутри этого интервала находятся три отрезка: 1640–1670 гг. (69,8 %), 1780–1800 гг. (23,6 %), 1940–1960 гг. (2 %). Наиболее вероятен первый, указывающий, что погребение совершено в середине XVII в.

Таким образом, определение радиоуглеродного возраста с помощью AMS метода позволяет отнести погребение Атласовское-2 к 1640–1670 гг. — времени, когда в долине Туймаада был построен Ленский острог первого якутского воеводы Петра Головина (1643 г.).

Характеристика сопроводительного инвентаря погребения

Удила. Конские удила плохой сохранности, фрагментарны ввиду сильной коррозии, местами полностью разрушившей их целостность. Судя по остаткам, грызло состояло из двух стержней, подвижно скрепленных между собой (рис. 2, 7). Длина сохранившихся частей стержней грызла 8,8 и 10,5 см. Толщина фрагментов стержней 1,0–1,3 см. Массивные круглые трензеля также сохранились фрагментарно. Внешний диаметр уцелевшей части трензелей 8,0–8,3 см, внутренний — 5,5–6,0 см. Толщина сохранившейся части трензелей 1,0–1,5 см.

Стремя. Железное конское стремя полуовальной формы имеет плоскую широкую подпрямоугольную, слегка закругленную подножку (рис. 2, 6). Верхняя часть дужки оформлена цельной расплющенной подтрапцевидной пластиной с прямоугольной прорезью для крепления стремени к путлицу. Дужки по форме округлые. Поперечное сечение дужек прямоугольное. Стремя сохранилось почти полностью, но незначительно нарушена целостность подножки. Высота стремени (с ушком) 14 см, ширина (расстояние между боковыми дужками) 12 см. Размеры подножки 12×6 см. Проведенный в лаборатории физических и химических методов исследования Института геологии и геохимии им. акад. А.Н. Заварицкого УрО РАН (г. Екатеринбург) рентгеноспектральный анализ показал, что стремя изготовлено из железа с включением кальция, кремния, алюминия, магния, натрия, марганца, меди и некоторых других химических элементов. При этом содержание Са и Si значительно выше в сплаве, из которого изготовлена подножка стремени.

Ножницы. Острия ножниц были направлены в сторону головы погребенной. Ушки ножниц имеют вытянуто-овальную форму (рис. 2, 5). Высота ушек составляет 9,0 см, ширина — 3,5 см, толщина — 0,9–1,0 см. Сохранность ножниц плохая, металл сильно окислен, целостность изделия нарушена, лезвия сохранились частично. Длина сохранившейся части лезвий 6,0 см, ширина — 2,0–2,5 см, толщина спаявшихся лезвий 1,7–2,0 см.

Нож. Металлическая основа ножа цельная, состоит из лезвия и рукояти (рис. 2, 2). Общая длина ножа, судя по данным компьютерной томографии (рис. 2, 3), составляет 29,2 см. Металлическая рукоять (хвостовик) имеет плоскую удлиненную прямоугольную форму и слегка округ-

Женское погребение XVII в. Атласовское-2 из Центральной Якутии...

ленные углы (рис. 2, 4). Клинок ножа имеет прямой обушок и плавно сужается к острию. Ширина хвостовика 2,3 см, толщина — 0,3–0,5 см, длина — 15 см. Длина клинка составляет 14,2 см, ширина у основания — 2 см, в середине — 1,5 см.

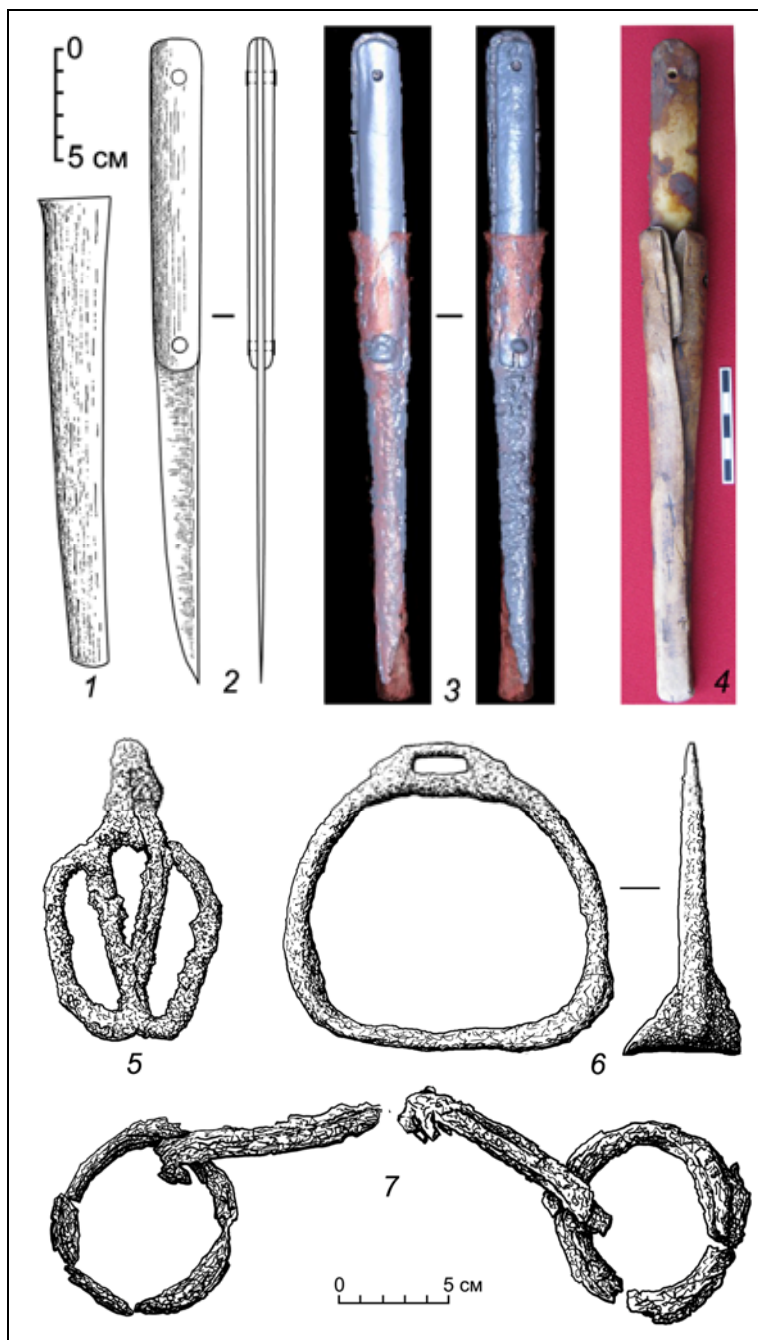

Рис. 2. Сопроводительный инвентарь погребения Атласовское-2:
1 — берестяные ножи; 2 — нож; 3 — компьютерная томограмма ножа в ножнах; 4 — фотография ножа в ножнах;
5 — ножницы; 6 — стремя; 7 — удила.

Костяные накладки на рукоять ножа представлены отшлифованными пластинами прямоугольной формы со слегка закругленными краями. В верхней и нижней части накладок имеется по одному круглому крепежному отверстию, через которые пластины были приклепаны к металлической основе при помощи железных клепок-шпеньков (рис. 2, 3). Длина обеих накладок 14,9–15 см, ширина — 2,2 см, толщина — 0,3 см.

Берестяные ножи выполнены из цельного куска бересты (рис. 2, 1). Боковые края ножен соединяются внахлест. Следов шитья ножен не имеется; вероятно, соединяющиеся края бересты проклеивались. Нижняя часть ножен ровно подрезана, верхняя часть оформлена подгибанием бересты вовнутрь. По бокам ножен в районе устья имеются два диаметрально расположенных отверстия, предназначенных для крепления ножен к поясу, что позволяет отнести данное изделие к поясному типу ножей. Длина берестяных ножен 21,4 см, ширина в районе устья — 3,3 см, ширина концевой части — 1,7 см. Сохранность ножен и костяных накладок рукояти, в отличие от металлической основы, хорошая.

Нагрудное панно. Нагрудные панно наплечной одежды, каждое из которых является зеркальным отражением другого, состоят из кожаной основы и нашитых на нее бляшек (103 шт.) (рис. 3, 4). Ширина кожаной основы панно составляет 10,9 см, длина — 11,4 см, толщина — 0,25 см. Верхний слой кожаной основы имеет вшивной кожаный кант, пришитый потайными стежками. Ширина канта 0,35 см. Сохранность кожаной основы одного панно удовлетворительная, другого — плохая.

Каждое панно представляет собой сложную композицию из пяти горизонтальных и двух вертикальных рядов, состоящих из двух-, трехполусферных, лапчатых и квадратных с «жемчужинами» металлических накладок (бляшек). Порядок композиционного расположения рядов бляшек на панно зеркален по отношению друг к другу. Все накладки, за исключением квадратных, нашиты на кожаную основу с помощью сухожильной нити, пропущенной через перехваты между сегментами накладок.

В лаборатории отдела физико-химического метода анализа Института геологии алмаза и благородных металлов СО РАН (г. Якутск) С.К. Поповой был проведен рентгеноспектральный микроанализ некоторых металлических изделий из погребения Атласовское-2. В результате анализа можно сделать заключение, что все детали нагрудного панно, за исключением трехполусферных железных накладок из пятого ряда, выполнены из медно-оловянно-свинцового сплава. При этом трехчастные полусферные нашивные бляшки и квадратные бляшки с «жемчужинами» изготовлены из сплава меди и свинца на основе олова, а остальные детали — из сплава олова и свинца на основе меди (оловянная бронза).

Серьга. Серьга в виде знака вопроса с крупной биконической бусиной-нанизкой была обнаружена в области груди погребенной под кожаными нагрудными панно (рис. 3, 3). Стержень серьги выполнен из протянутой проволоки, сделанной из оловянной бронзы. Основу сплава составляет медь, легирующие компоненты — свинец и олово. Сердцевина бусины изготовлена из органического материала, скорее всего кости. Наружная часть бусины выполнена из сплава свинца и меди на основе олова. Общая длина серьги 10,2 см. Толщина стержня 0,2 см. Диаметр бусины в средней части 1,35 см, высота 2,25 см.

Навершие головного убора. Навершие состоит из детали усеченной сфероконической формы и крепившейся к ней цилиндрической втулки (рис. 3, 2в). Деталь навершия усеченной сфероконической формы изготовлена методом пуансонной (?) чеканки и украшена по всему периметру декоративным выпуклым орнаментом (рис. 3, 2а). Высота детали 2,7 см. Диаметр основания 7 см, диаметр верхней части 2 см. Толщина металла 0,06 см. Поверхность детали имеет неоднородный золотистый цвет, вероятно, вследствие использования позолотной бронзы (сплав меди, свинца и олова). Поверхность навершия в нижней части украшена композицией из зоо- и фитоморфных изображений — четырех чередующихся спиралевидных фигур типа «бараньи рога» с парно закрученными вовнутрь спиралями и четырех фигур, имитирующих профиль цветка с листьями (?). Высота спиралевидных фигур 2 см, ширина — 3,2 см. Высота фигур, имитирующих профиль цветка, — 1,2 см, ширина — 2 см. В верхней части детали, примерно на одинаковом расстоянии друг от друга, расположены восемь каплеобразных фигур высотой 1,0 см. В нижней части навершия имеется пять сквозных крепежных отверстий для нашивки на кожаную основу головного убора.

Вторая деталь составного навершия представляет собой цилиндр, расширяющийся книзу (рис. 3, 2б) и предназначавшийся, вероятно, для крепления плюмажа из меха, конского волоса или перьев. Верхний край детали по периметру отверстия отогнут наружу и плотно прижат к внешней поверхности детали. Высота цилиндрической детали 3,2 см. Диаметр отверстия у основания 2,5 см, диаметр верхней части детали 1,35 см. Толщина металла 0,06 см.

Обе детали навершия выполнены из оловянной бронзы с добавлением олова и свинца в качестве легирующих компонентов. При этом цилиндрическая деталь имеет примесей в количественном отношении значительно меньше.

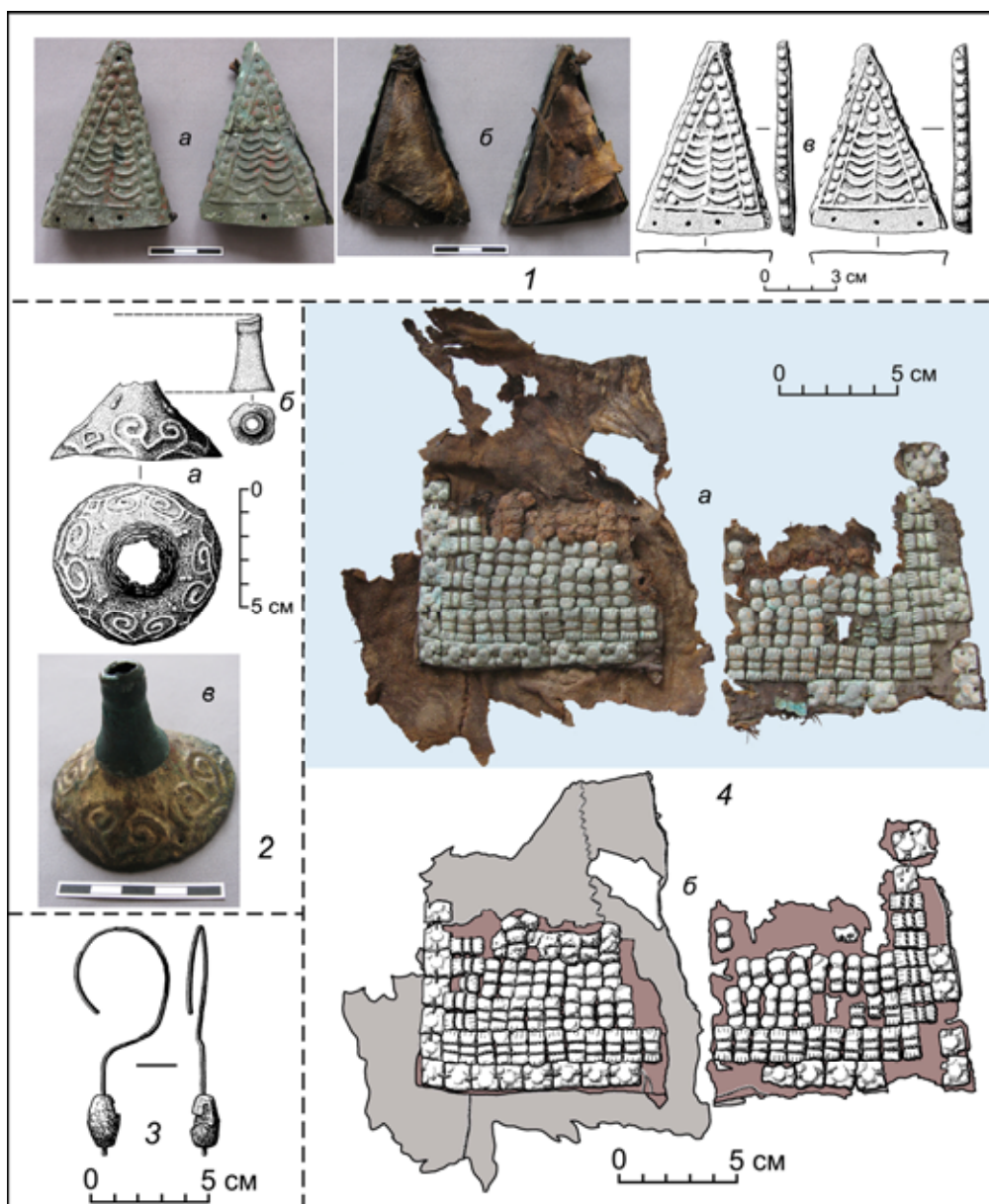

Рис. 3. Сопроводительный инвентарь погребения Атласовское-2:

1 — фотография внешней (а) и внутренней (б) стороны металлических нашивных декоративных пластин с орнаментом и усиливающих кожаных прокладок, а также рисунок пластин (в); 2 — усеченно-сфероконическая деталь (а), цилиндрическая деталь (б), фотография составного металлического навершия головного убора в сборе (в); 3 — серьга; 4 — фотография (а) и рисунок (б) декоративных нашивных нагрудных панно с остатками одежды, украшенных металлическими бляшками-накладками.

Под навершием головного убора сохранились фрагменты наголовника, состоящего из двух слоев — кожи и меха. В нижней части наголовника потайными стежками пришит меховой отворот. С внутренней стороны наголовника сохранилась полоска густого короткого меха рыжеватого цвета. На поверхности фрагмента имеются следы отверстий, предназначавшихся, вероятно, для крепежа металлических деталей. Вместе с фрагментами наголовника обнаружена трехполушарная железная накладка, идентичная накладкам с нагрудного панно. Сохранность фрагмента наголовника очень плохая. Ширина его отворота составляла более 2 см.

Декоративные треугольные бляхи. По бокам от навершия головного убора были найдены детали головного убора — орнаментированные металлические нашивные декоративные бляхи в форме усеченных в верхней части равнобедренных треугольников (рис. 3, 1а, 1в). Бля-

хи усилены толстыми кожаными подкладками, закрепленными изнутри через отверстия сухожильной нитью (рис. 3, 1б). Ширина основания блях 5,2 см, ширина верхней усеченной части 0,7 см, высота 7,5 см. Толщина металла 0,05 см. Боковые стороны загнуты вовнутрь под углом 90° к внешней поверхности пластины. Поверхность обеих блях украшена выпуклой декоративной композицией, центром которой является вписанная в малый равнобедренный треугольник вертикаль с симметрично расходящимися от нее семью парами дуг. Над вершиной вертикали, одна над другой, расположены две выпуклые округлые «жемчужины». По одной округлой «жемчужине» расположено в нижних боковых углах треугольника. Высота вписанной в треугольник композиции составляет 3,2 см.

Малый равнобедренный треугольник вписан в более крупный удлинённый равнобедренный треугольник. Пространство между боковыми сторонами малого и большого треугольников занимают два ряда выпуклых округлых «жемчужин» (22 шт.), расположенных одна над другой. Загнутые боковые стороны пластины также орнаментированы «жемчужинами» (24 шт.), расположенными одна над другой.

На поверхности блях имеется по пять сквозных крепежных отверстий. В верхней части первой бляхи и с обеих ее сторон отмечены следы реставрации трещин. Сохранность обеих блях средняя, поверхность сильно окислена, буровато-зеленой окраски. Бляхи выполнены из оловянной бронзы, основу сплава составляет медь, легирующие компоненты — олово и свинец.

Корреляция материала и культурная идентификация

Гроб-колода *куорча* является одним из преобладающих типов внутримогильных конструкций в якутских погребальных комплексах позднего средневековья — нового времени [Бравина, Попов, 2008, с. 63–65, 199]. Погребения в колодах распространяются в Сибири с бронзового века и сохраняются вплоть до этнографической современности. По технологии изготовления и формам, способам прикрепления крышек гробов якутские колоды повторяют конструкции погребальных комплексов кочевников юга Средней Сибири XII–XIV вв. [Там же, с. 199–200; Николаев, 2004, с. 29, 116–117].

Погребения с ритуальным применением огня у якутов не являются чем-то исключительным и связаны, как правило, с обрядом очищения могильной ямы [Бравина, Попов, 2010]. Однако в погребении Атласовское-2 зафиксировано обжигание внешней поверхности колоды, и это второй подобный случай в Якутии [Бравина, Дьяконов, 2015, с. 29]. Северная ориентировка также редко встречается в якутских погребениях [Бравина, Попов, 2008, с. 96], но наиболее распространена в усть-талькинской культуре юга Средней Сибири XII–XIV вв., с которой связывается этногенез якутов [Николаев, 2004, с. 121].

Неординарным представляется комплекс сопроводительного инвентаря, отдельные элементы которого не типичны для Якутии, но обнаруживают аналогии в культурах средневековых кочевников степной и лесостепной полосы Евразии, а также у населения лесной и лесотундровой зон Сибири XVI–XIX вв. Так, нож, являющийся весьма устойчивым этническим признаком, имеет явно неякутские черты, что позволяет предположить его инокультурное происхождение. Ближайшими аналогами ножу могут быть бурятские и монгольские национальные ножи и заимствованные у бурят и монголов впоследствии ножи нижних чинов иноверческих казачьих полков. У этих ножей также узкий прямой однолезвийный клинок и рукоять, образованная двумя накладками-щечками, скрепленными с хвостовиком клинка при помощи клепок [Кулинский, 2001, с. 210–211; Бобров, Худяков, 2008, с. 661]. Еще В.Л. Серошевский отмечал [1993, с. 382], что якутский нож с его односторонней заточкой и рукоятью из дерева или кости — это образец совершенно особых сибирских ножей, не встречающийся на юге Сибири у бурят и монголов, а последние употребляют ножи, оправа ручки которых состоит из двух половинок, приклепанных или привязанных к черенку.

Составное навершие женского головного убора аналогов в якутской традиции не имеет. Похожие полусферические навершия головных уборов *дэнзэ* с подставкой-трубочкой для бусины *жинчи* встречаются у бурят Забайкалья [Шагланова, 2005, с. 9]. Более ранние аналоги таким навершиям, сделанным методом литья, можно встретить в золотоордынских погребениях XIV — начала XV в. Волжской Болгарии [Полякова, 1990, с. 139]. Использование же художественной чеканки для изготовления навершия позволяет связать его с самодийско-енисейским и пратунгусским этническими компонентами, в которые входили и народы, участвовавшие позднее в этногенезе бурят и якутов [Дашибалов, 2009, с. 191–192; Павлинская, 1992, с. 114–115]. Орна-

Женское погребение XVII в. Атласовское-2 из Центральной Якутии...

ментальная композиция сфероконической детали навершия находит параллель в енисейской орнаментальной традиции изделий из металла XI–XIV вв., генезис которой исследователи также связывают с Волжской Болгарией [Грач и др., 1998, с. 54–64; Гуненко, Сенотрусова, 2013, с. 73]. Традиция украшать головные уборы крупными металлическими пластинами конусовидной и трапециевидной формы была описана А.П. Дульзоном по материалам погребений селькупов XVII в., при этом отмечается, что детали и декор селькупских головных уборов обнаруживают черты сходства с якутскими [Боброва, 2015, с. 90].

Лапчатые бляшки нагрудного панно идентичны по стилю и составу металла «двулапообразным» бляшкам из Зырянского могильника чулымских тюрков XVI–XVII вв. [Беликова, 2010, с. 61, 63, 129–130, 198, рис. 27, 28, 33, 9–12, 35, 1, 2, 77]. Двух- и трехчастные лапчатые бляшки имеются на нарядной женской одежде из материалов оленекских арангасов XVIII в., на якутском нагруднике, опубликованном В.Л. Серошевым [1993, с. 376, рис. 100], в музейных коллекциях на якутской одежде, головных уборах, сумочках и конских чепраках XIX в. [Саввинов, 2001, с. 65–66]. Двух- и трехполушарные бляшки-накладки встречаются в могильниках XVI–XVIII вв. чулымских тюрков, селькупов, энцев, нганасан, кетов, эвенков и других народов [Долгих, 1961, с. 110–112; Чиндина, 1995, с. 181–183, рис. 1; Боброва, Бодрова, 2013, рис. 1; и др.]. Такого рода украшения связаны с аналогичными формами металлических изделий культур бронзового и раннего железного веков Южной Сибири и Центральной Азии [Долгих, 1961, с. 110; Цыбиктаров, 1998, с. 56, рис. 96, 30, 97, 2; Асеев, 2003, с. 100, рис. 77, 11, 15–17; Грязнов и др., 2010, с. 171–173, 189, рис. 64, 17, 65, 13, 66, 15, 82; и др.] и раннего средневековья Сибири (релкинская, бурхотуйская и другие культуры) [Чиндина, 1991, с. 169, рис. 29, 7; Цыбиктаров, 1999, с. 190, рис. 54, 3; и др.]. Металлические бляшки, аналогичные найденным в погребении Атласовское-2, позднее широко распространились в Якутии и имели хождение вплоть до начала XX в. Так, квадратные накладные бляшки с «жемчужинами», по данным этнографа и краеведа А.А. Саввина, назывались у якутов *тордуйа*, что означает «берестяной сосуд», трехчастные лапчатые накладки — *тынгырахтаах кымырдагас* — «муравей с коготками», а трехполушарные накладки — *бюгюйэх*, что переводится как «овод» [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 4, оп. 12, д. 18].

Серьги в виде знака вопроса традиционно имели широкое хождение в Сибири начиная со скифского времени и до этнографической современности и связаны с культурой кочевников степной и лесостепной полосы Евразии. Серьга из погребения Атласовское-2 с биконической подвеской находит ближайšie аналоги в материалах Зырянского могильника чулымских тюрков XVI–XVII вв. [Беликова, 2010, с. 55–56, 120–121, рис. 27, 1, 70, 1, 2].

Стремена полуовальной формы с плоской широкой, слегка закругленной подножкой были широко распространены по всей территории Евразии в средневековое время, в том числе у якутов. В усть-талькинской культуре они являются одними из основных типов стремян [Николаев, 2004, с. 98–99]. То же можно сказать об удилах с кольчатыми псалями-трэнзелями.

В якутских погребениях XV–XVIII вв. ножницы ранее были встречены в пяти случаях [Бравина, Попов, 2008, с. 139]. Отмечается четкая гендерная связь: все ножницы входили в состав инвентаря женских погребений. В погребальных комплексах усть-талькинской культуры обнаружено 4 экз. ножниц. Все они также связаны с женскими захоронениями, причем стабильно приурочены к изголовью [Николаев, 2004, с. 67].

Таким образом, захоронение Атласовское-2 в целом не совсем обычно для погребальных комплексов якутов. Северная ориентировка погребения, конструкция гроба-колоды и некоторые предметы сопроводительного инвентаря сближают его с усть-талькинской культурой кочевников юга Средней Сибири XII–XIV вв. Ряд других элементов сопроводительного инвентаря находят аналогии в погребальных комплексах различных народов Сибири, преимущественно XVI–XVIII вв.

Антропологическое исследование

Краниологические измерения черепа выполнялись по стандартной методике Р. Мартина в модификации В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца [Алексеев, Дебец, 1964]. Использовался обычный набор признаков, дополнительно вычислялся угол поперечного изгиба лба [Гохман, 1961], а также применялись несколько индексов [Дебец, 1968]: указатель уплощенности лицевого скелета (УЛС), преаурикулярный фациоцеребральный указатель (ПФЦ), условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) и модули профилированности переносья (МПП) и лица (МПЛ) [Гохман, 1980]. Межгрупповое сопоставление проводилось с использованием канонического анализа. Анализ и обработка данных осуществлялись в программе STATISTICA 6.0 с учетом методиче-

ских рекомендаций В.Е. Дерябина. Использовалась программа канонического анализа, разработанная Ю.К. Чистовым, версия 1994 г.

Одонтологическое обследование проводилось на основании стандартных программ, принятых в отечественной одонтологии [Зубов, 1968].

Восстановление портрета по черепу выполнено по методике, разработанной представителями российской школы антропологической реконструкции, основанной М.М. Герасимовым [Герасимов, 1949, 1955].

Половая принадлежность индивидуума определялась с использованием стандартных методик [Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Bass, 1987; Buikstra, Ubelaker, 1994]. Для определения возраста смерти применялись визуальные макроморфологические программы. На черепе фиксировалась степень облитерации швов черепа по системе боковых точек и точек свода [Meindl & Lovejoy, 1985]. Степень стертости зубов регистрировалась по методикам М.М. Герасимова в модификации А.А. Зубова [1968] и О. Лавджоя [Lovejoy, 1985]. При определении возраста смерти использовались по возможности несколько независимых индикаторных систем. Измерения длинных костей проводились по стандартным методикам [Алексеев, 1966]. Развитость костного рельефа по месту прикрепления мышц описывалась по методике Д.И. Ражева [2009].

Исследование патологических проявлений проводилось на основании руководства по исследованию антропологических останков [Бужилова, 1995, Ortner, Putschar, 1985].

Биоантропологические характеристики

По морфологическим признакам черепа и таза пол умершего человека однозначно определяется как женский. Уровень облитерации верхне-боковых точек (система 1) — 15 баллов, что соответствует возрасту 31–45 лет (среднее 45,2 года); уровень зарастания точек свода черепа (система 2) — 8 баллов, возраст — 35–57 лет (среднее 45,5 года). Состояние ушковидных поверхностей соответствует 3–4-й стадии, что указывает на возраст 30–40 лет. По периметру ушковидной поверхности имеются краевые костные разрастания до 2 мм, что соответствует слабым артрозным проявлениям. Симфизарная поверхность по Todd — стадия 7/7, что соответствует 35–39 годам, симфизарная поверхность по Suchey — Brooks — стадия 4/4, что указывает на возраст 32–50 лет (среднее 38 лет). Возраст, соответствующий степени стирания жевательных поверхностей зубов, по Герасимову: IC — 35–40 лет, MM — 25–30 лет; по Лавджою: IC — 30–35 лет; MM — 35–40 лет. Останки принадлежат женщине, умершей в возрасте 30–40 лет.

По мировым масштабам длины плечевой, бедренной и большеберцовых костей женщины средние (табл. 1). Рост погребенного, реконструированный по бедренной кости по формуле М. Троттер и Г. Глезер, 155 см [Алексеев, 1966]. Интермембральный, плечебедренный, берцово-бедренный индексы средние, лучеплечевой индекс малый в мировом масштабе [Мамонова, 1986], что указывает на мезоморфные пропорции тела.

Таблица 1

Размеры длинных костей и межкостные индексы женщины из Атласовского-2 погребения

Признак, его номер по Мартину	
H1. Наибольшая длина плечевой кости	307
R1. Наибольшая длина лучевой кости	229
U1. Наибольшая длина локтевой кости	247
F2. Длина бедра в естественном положении	408
T1. Общая длина б. берцовой кости	342
R1: H1. Лучеплечевой (брахиальный) индекс	74,6
T1:F2. Берцово-бедренный (круральный) индекс	83,8
H1:F2. Плечебедренный индекс	75,2
H1+R1/F2+T1. Интермембральный индекс	71,4

Поротический гиперостоз глазниц и лобной области отсутствует (0 баллов), на теменной и затылочной костях он также не выявлен (0 баллов). Линии эмалевой гипоплазии не отмечены. Зафиксирован кариес окклюзионной поверхности M2 нижней челюсти слева, без проникновения в пульпу. M3 справа на верхней челюсти утрачен посмертно. Зубов, потерянных при жизни, нет. Апикальные абсцессы не обнаружены. На верхних резцах и клыках — зубной камень средней степени выраженности (2 балла). На молярах и премолярах обеих челюстей развитие зубного камня слабое (1 балл). Проявлений артроза височно-нижнечелюстных суставов нет.

Женское погребение XVII в. Атласовское-2 из Центральной Якутии...

Патологии позвоночного столба и длинных костей не зафиксированы. На сохранившемся правом втором ребре, на границе передней и задней половин, выявлен сросшийся перелом. Механизм возникновения — прямой удар, повлекший за собой закрытую травму грудной клетки и перелом ребра. Развитость мест прикрепления мышц на всех элементах средняя.

Отсутствие гипоплазии зубов, порозных изменений черепа и глазниц указывает на полноценное питание в детстве. Наличие зубного камня указывает на достаточное количество мясной пищи в рационе. Случай кариеса M2 нижней челюсти слева является осложнением скола эмали зуба. Артрозные проявления на суставах позвоночного столба и суставов конечностей соответствуют возрастным значениям, следов перегрузок крупных суставов не зафиксировано. Минимальное количество выявленных патологий свидетельствует о хорошем общем состоянии здоровья исследуемой женщины. Перелом правого второго ребра стал следствием прямого удара, причину которого достоверно установить сложно. Это могло быть как при насилии, так и в результате случайной травмы, например, при падении. Умеренное развитие мест прикрепления мышц и отсутствие энтезопатий указывает на отсутствие изнуряющего физического труда. Нагрузки не превышали физиологических значений.

Сопоставление показателей здоровья изучаемого человека с материалами по другим комплексно исследованным индивидуумам из Атласовского-1 и Сергеляхского погребений выявило как сходство, так и заметные различия [Багашев и др., 2016; Бравина и др., 2016].

Так, на женском скелете из Атласовского-2 захоронения обнаружена всего одна травма — перелом ребра, в то время как на мужских скелетах из привлеченных погребений их значительно больше. Примечательно, что и у воина из Сергеляхского погребения обнаружены переломы ребер, что может указывать на схожие травмоопасные занятия и ситуации — например, верховую езду, привычно грубое межперсональное взаимодействие. Явные признаки всадничества, отмеченные в обоих случаях у мужчин, полностью отсутствуют у женщины. В этом отношении сопутствующие погребению элементы конской упряжи могут рассматриваться скорее как статусный символ, нежели свидетельство функционального использования. Умеренные повседневные занятия женщины резко отличались от деятельности мужчин, выраженной в чрезмерном проявлении маркеров физической активности.

Общими для всех рассматриваемых людей являются реконструируемые характеристики диеты: достаточное питание с доминированием мясо-молочной составляющей и малой долей углеводных продуктов земледелия. В данном случае, у женщины, в отличие от обоих мужчин, выявлено отсутствие в детстве периодов истощения.

Сравнение показало выразительно хорошее состояние здоровья женщины, обеспеченное, по всей видимости, высоким уровнем жизни с детства и до момента смерти.

Краниология

Длинная и широкая мозговая капсула черепа женщины средней высоты, по черепному указателю — суббрахикранный (табл. 2). Лоб средней ширины, весьма наклонный, в горизонтальной плоскости уплощен. Скуловые отростки лобной кости гладкие. Надпереносье уплощенное, выступание по шкале Вроса — 2 балла. Носовой отросток лобной кости низкий, широкий, прямоугольной формы, имеет среднее направление по отношению к верхнему краю орбиты.

Таблица 2

Размеры и указатели черепов женщины и мужчин из Атласовских (104-1 [Багашев и др., 2016], 104-2) и Сергеляхского (105-1) [Бравина и др., 2016] погребений

Признак, его номер по Мартину или условное обозначение	104-2 ♀	104-1 ♂	105-1 ♂
1. Продольный диаметр	178	185	178
8. Поперечный диаметр	144	148	151
17. Высотный диаметр (<i>ba-b</i>)	128	137	125
20. Высотный диаметр (<i>po-b</i>)	113	115	119
8:1. Черепной указатель	81	80	84
17:1. Высотно-продольный указатель	72	74	70
17:8. Высотно-поперечный указатель	89	93	82
5. Длина основания черепа	101	105	102
11. Ширина основания черепа	134	136	130
9. Наименьшая ширина лба	92	98	88
10. Наибольшая ширина лба	115	125	119

Признак, его номер по Мартину или условное обозначение	104-2 ♀	104-1 ♂	105-1 ♂
29. Лобная хорда	110	120	113
Sub.Nβ. Высота изгиба лба	21,7	28,9	22,8
Sub.Nβ:29. Указатель выпуклости лба	19,7	24,1	20,2
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	144	138	148
32. Угол профиля лба от <i>п.</i>	76	83	65
12. Ширина затылка	110	112	116
40. Длина основания лица	96	103	97
40:5. Указатель выступания лица	95	98	95
43. Верхняя ширина лица	105	98	104
46. Средняя ширина лица	106	108	104
45. Скуловой диаметр	136	141	139
45:8. Поперечный фациоцеребральный указатель	94	95	92
48. Верхняя высота лица	73	75	75
47. Полная высота лица	116	126	121
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	57	55	60
48:45. Верхний лицевой указатель	54	53	53
72. Общий лицевой угол	91	85	85
73. Средний лицевой угол	93	85	87
74. Угол альвеолярной части	88	71	82
77. Назомалярный угол	148	144	147
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	143	141	138
51. Ширина орбиты от <i>mf.</i>	41	40	42
52. Высота орбиты	30	32	35
52:51. Орбитный указатель	73	80	83
55. Высота носа	55	54	58
54. Ширина носа	26	25	25
54:55. Носовой указатель	47	47	43
75(1). Угол выступания носа	10	14	25
SC. Симотическая ширина	10,7	9,7	6,6
SS. Симотическая высота	2,6	1,6	4,9
SS:SC. Симотический указатель	24	17	74
∠S. Симотический угол	128	143	68
DC. Дакриальная ширина	24,0	26,1	18,9
DS. Дакриальная высота	7,4	5,6	11,6
DS:DC. Дакриальный указатель	31	22	61
∠D. Дакриальный угол	117	134	78
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	101	112	109
68. Длина нижней челюсти от углов	73	76	87
65. Мыщелковая ширина	123	125	120
66. Угловая ширина	103	105	101
67. Передняя ширина	45	47	47
70. Высота ветви	51	56	70
71а. Наименьшая ширина ветви	34	36	40
69(3). Толщина тела	11	15	14
79. Угол ветви нижней челюсти	130	133	111
∠C'. Угол выступания подбородка	71	64	70
УЛС	106,2	109,7	59,6
ПФЦ	96,7	93,8	98,7
УДМЭ	129,1	118,1	86,9
Модуль профилированности лица	145,5	142,5	142,5
Модуль профилированности переносья	122,5	138,5	73,0

Мезопрозопное по пропорциям лицо женщины очень высокое и очень широкое, по форме соответствует овоиду. Лицевой скелет сильно уплощен на всех уровнях. В вертикальной плоскости и альвеолярной части лицо ортогнатное, так же как и по указателю выступания. Орбиты средней ширины, очень низкие, по пропорциям — хамеконхные, по форме близки к квадрату. Верхние края орбит острые, нижние — притупленные. Глазница открытого типа. Профилировка орбит вертикальная. Фронтальная постановка орбит горизонтальная. Глазничный бугорок умеренно выражен. Линия разреза глаз имеет косовнутреннее направление. Раструб слезной части слабо выходит за края орбиты. Гребешок в верхнем медиальном углу орбиты направлен к внутреннему слезному гребню. Лобные отростки верхнечелюстных костей ориентированы фронтально.

Женское погребение XVII в. Атласовское-2 из Центральной Якутии...

Грушевидное отверстие очень высокое и широкое, характеризуется мезоринией. Широкое и низкое переносье сильно уплощено, угол выступания носовых костей очень малый. Профиль спинки носа прямой. Форма грушевидного отверстия сердцевидная. Подносовой край с двумя полукруглыми ямками, половины его находятся на одном уровне. Подносовой шип развит на 2 балла, направлен горизонтально.

Альвеолярный отросток верхней челюсти средней высоты, выступающий. Альвеолярный отросток нижней челюсти низкий, положение его ближе к вертикальному. Прикус ножницеобразный. Нижняя челюсть средней длины, очень широкая, передняя ширина и толщина тела средние. Форма нижнего края нижней челюсти округлая. Подбородочный бугор в положении анфас узкий, треугольной формы, в профиль — выступающий (1 балл), подбородочные бугорки не развиты.

На полученном графическом портрете изображена молодая женщина с длинной и широкой головой средней высоты (рис. 4). Лицо очень высокое и очень широкое, овоидной формы. Среднеширокий наклонный лоб со слабо выраженными лобными буграми, уплощенным слабым переносьем и неразвитыми надбровными дугами. Брови направлены горизонтально, со слабым изломом. Нос очень высокий, с прямым профилем и горизонтально направленным основанием и кончиком, слабо выступает относительно плоскости лица. Глаза неглубоко посаженные, с ровной складкой верхнего века, косовнутренним направлением разреза. Внутренние углы глаз прикрыты эпикантусом. Строение подносовой части черепа предопределяет крупные губы среднего по размерам довольно симметричного рта, небольшой, умеренно выступающий подбородок и округлый нижний край лица.

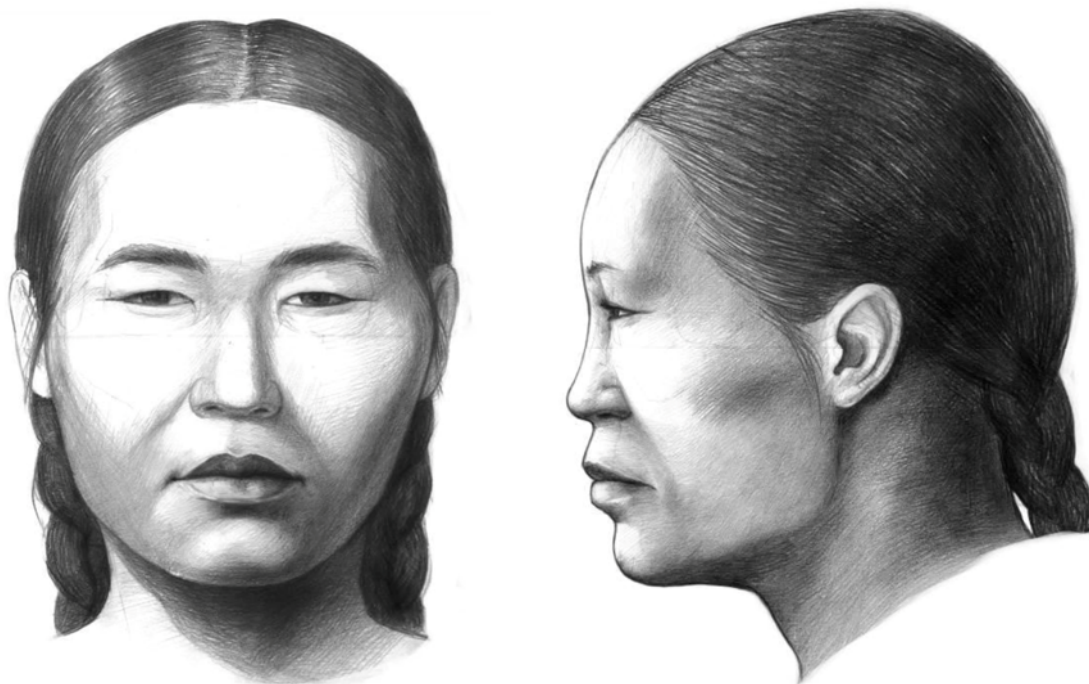

Рис. 4. Графическая реконструкция внешности женщины из погребения Атласовское-2.

Судя по отмеченным морфологическим особенностям, череп женщины находится в границах изменчивости классических монголоидов. На это указывают угол выступания носовых костей, модули профилированности лица и переносья, а также величины УЛС и ПФЦ. В целом условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) не оставляет сомнений в принадлежности черепа к монголоидным североазиатским формам (табл. 2).

Череп женщины из захоронения Атласовское-2 сравнивался с черепами мужчин из погребений Атласовское-1 [Багашев и др., 2016] и Сергеляхское [Бравина и др., 2016]. С учетом коэффициентов полового диморфизма череп из Атласовского-2 ближе к черепу из Атласовского-1, чем к сергеляхскому (табл. 2). Небольшие различия между ними наблюдаются по высоте свода, строению орбит и носа, в остальном черепа сходны. Соответственно от сергеляхского индивида

женщину отличают те же показатели, что дистанцируют черепа мужчин (строение переносья, угол выступления носовых костей, форма мозговой капсулы).

Для выяснения близости погребенной к той или иной современной группе населения Сибири показатели по рассматриваемому черепу были исследованы с помощью канонического анализа. Для анализа были взяты данные по центрально-азиатским (якуты [Томтосова, 1980], буряты забайкальские, западные и тункинские [Дебец, 1951], тувинцы [Алехеев, 1965], монголы [Дебец, 1951]) и байкальским (негидальцы, юкагиры, тунгусы оленные [Дебец, 1951]) популяциям североазиатской формации, арктической группе популяций (чукчи береговые, чукчи оленные [Дебец, 1951], эскимосы юго-восточные и науканские [Дебец, 1951], эскимосы западные [Дебец, 1975]), южно-сибирской группе популяций (казахи, Бегазы [Исмалугов, 1963], теленгеты [Дебец, 1951], качинцы [Алексеев, 1960]), объ-иртышским (селькупы, Тискино [Багашев, 2001], чулымцы, Ясашная Гора [Розов, 1956], тоболо-иртышские татары [Багашев, 1993]), уральским (восточные ханты [Дремов, 1991], манси северные и ханты северные, Халас-Погор [Дебец, 1951]) и ямало-енисейским (ненцы [Дебец, 1951], кеты [Гохман, 1982]) популяциям западно-сибирской формации.

В результате анализа изменчивости (51,6 %) серий нагрузки распределились следующим образом (табл. 3). Максимальные величины по первому вектору пришлись на группы с высоким и максимально уплощенным лицом, по второму вектору — на выборки с широким носом и ортогнатным лицевым скелетом.

Характер рассеивания женских групп в пространстве векторов наглядно демонстрирует место черепа из погребения Атласовское-2 в системе антропологических типов Северной Евразии (рис. 5). Он попал в положительное поле графа, в котором сосредоточились группы с максимально высоким, широким, плоским и ортогнатным лицом, для которых также характерно низкое и широкое на уровне дакриона переносье и широкое грушевидное отверстие, т.е. наиболее монголоидные выборки. Однако краниологическое своеобразие женщины на индивидуальном уровне незначительно отдалило ее от анализируемых популяций. Но, несмотря на это, исследуемый индивид, так же как мужчина из Атласовского-1 погребения, оказался максимально приближен к популяциям центрально-азиатского антропологического типа североазиатской формации.

Безусловно, нужно иметь в виду, что в нашем случае сопоставлялись особенности индивидов с популяционными данными. Это не совсем корректная процедура. Но, даже с учетом высокой индивидуальной изменчивости, характерной для человека современного вида, результаты анализа позволяют констатировать довольно высокое морфологическое сходство краниологической структуры черепов из Атласовских и Сергеляхского захоронений с популяциями центрально-азиатского и байкальского антропологических типов североазиатской формации.

Таблица 3

Величины факторных нагрузок в совокупности анализируемых выборок (женские черепа)

Номер по Мартину или условное обозначение	I канонический вектор	II канонический вектор
1. Продольный диаметр	-0,0288	-0,1149
8. Поперечный диаметр	0,4045	0,4860
17. Высотный диаметр	0,0542	-0,1997
9. Наименьшая ширина лба	-0,2455	0,0339
45. Скуловой диаметр	0,2713	-0,1381
48. Верхняя высота лица	0,5210	-0,2428
55. Высота носа	-0,0935	0,1767
54. Ширина носа	-0,0055	0,3512
51. Ширина орбиты	-0,3359	-0,1141
52. Высота орбиты	0,0642	-0,1988
SS. Симотическая высота	-0,0985	0,2436
DC. Дакриальная ширина	-0,0269	0,1802
DS. Дакриальная высота	-0,1839	-0,2207
72. Общий лицевой угол	-0,0420	0,5263
75(1). Угол выступления носа	0,2259	0,0303
77. Назомалярный угол	0,3132	-0,0765
∠zm'. Зигмаксиллярный угол	0,3261	0,0111
Собственное значение	42,4379	29,8471
Доля изменчивости, %	30,2677	21,2877

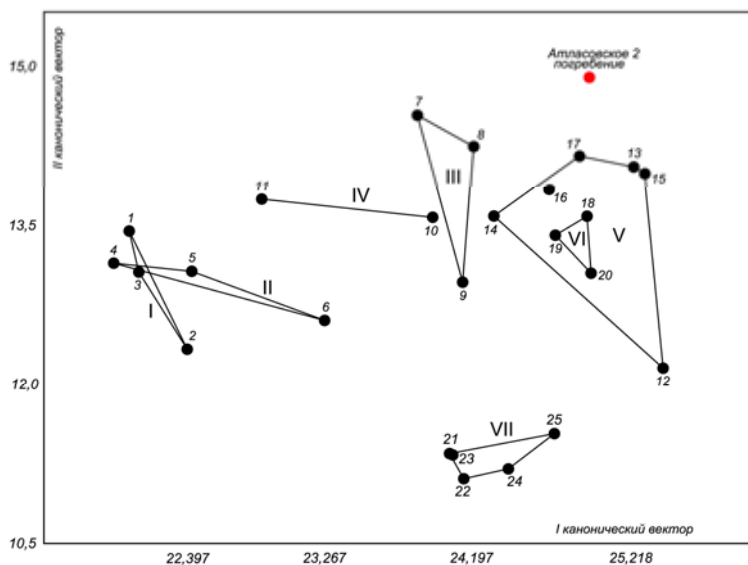

Рис. 5. Расположение женских антропологических выборок Сибири и индивидуума из погребения Атласовское-2 в пространстве I и II канонических векторов:

I — обь-иртышская группа популяций западно-сибирской формации (1 — селькупы, Тискино; 2 — чулымцы, Ясашная Гора; 3 — тоболо-иртышские татары); II — уральская группа популяций западно-сибирской формации (4 — восточные ханты; 5 — манси северные; 6 — ханты северные, Халас-Погор); III — южно-сибирская группа популяций (7 — казахи, Бегазы; 8 — теленгеты; 9 — качинцы); IV — енисейская группа популяций западно-сибирской формации (10 — ненцы; 11 — кеты); V — центрально-азиатская группа популяций североазиатской формации (12 — якуты; 13 — буряты забайкальские; 14 — буряты западные; 15 — буряты тункинские; 16 — тувинцы; 17 — монголы); VI — байкальская группа популяций североазиатской формации (18 — негидальцы; 19 — юагиры; 20 — тунгусы оленные); VII — арктическая группа популяций (21 — чукчи береговые; 22 — чукчи оленные; 23 — эскимосы юго-восточные; 24 — эскимосы науканские; 25 — эскимосы западные).

Одонтологическая характеристика

На верхних центральных резцах отсутствуют лингвальная и вестибулярная лопатообразность, дополнительные гребни коронки, лингвальные ямки. На латеральных резцах наблюдаются очень слабо выраженные краевые гребни лингвальной поверхности (балл 1), остальные признаки также отсутствуют. На верхних клыках лопатообразности и дополнительных гребней не отмечается. На верхних премолярах лингвальные и вестибулярные бугорки имеют примерно равные размеры (балл 2). На первых зубах данного класса прослежены дополнительные бугорки дистального края коронки. Гипоконус и метаконус верхних первых моляров не редуцированы, бугорок Карабелли, дополнительные дистальные или мезиальные бугорки отсутствуют. Также отсутствуют передние или задние ямки, косой гребень, лирообразная форма первой борозды параконуса. Первая борозда метаконуса впадает в межбугорковую фиссуру ниже, чем первая борозда параконуса. Гипоконус вторых моляров редуцирован слабо (балл 4-), метаконус умеренно (балл 2). Дополнительные морфологические элементы в строении коронки отсутствуют.

На резцах и клыках нижней челюсти не наблюдается лопатообразности и дополнительных гребней. Первый правый премоляр дифференцирован слабо (балл 2), левый — сильно (балл 4). Вторые нижние премоляры трехбугорковые. Нижние первые моляры имели форму «Y5», в их строении отсутствуют дистальный и средний гребень тригониды, *tam1*, протостилид. Несмотря на стертость, можно установить присутствие коленчатой складки метакониды и варианта 2med (III). Первые борозды метакониды и протокониды впадают в фиссуру II одновременно. Вторые и третьи моляры имели форму «X4», дополнительные морфологические детали в их строении отсутствуют.

По комплексу одонтологических характеристик женщина из погребения Атласовское-2 резко отличается от мужчин Атласовского первого и Сергеляхского погребений. Наблюдаемое сочетание признаков ближе к характеристикам западно-сибирских комплексов, чем к восточносибирским находкам, поскольку в его составе практически полностью отсутствуют маркеры восточного одонтологического ствола.

Заключение

Погребение Атласовское-2 относится к середине XVII в. Это одно из немногих якутских погребений, четко датированных этим временем. Погребальный обряд и сопроводительный инвентарь этого женского захоронения свидетельствуют об его неординарности. Такие элементы, как гроб-колода, стремя и удила, вполне вписываются в систему традиционного погребального обряда якутов. Вместе с тем северная ориентировка и традиция ритуального обжига гроба у якутов встречаются редко. Кроме того, в сопроводительном инвентаре погребения присутствуют предметы явно импортного характера. Проникновение нетипичных для Якутии артефактов, сопровождавших погребенную, может являться результатом широко развитых в XVII в. торговых и культурных контактов с населением Западной и Южной Сибири, а также Байкальского региона, усилившихся в связи с приходом русского населения и основанием зимовий и острогов, превращавшихся в центры интенсивного товарообмена. Одним из таких торгово-экономических центров являлся Ленский (Якутский) острог, где уже в середине XVII в. возникает большой базар, на котором местное население имело возможность приобретать самые разнообразные привозные товары.

По краниологической структуре черепа женщины из погребения Атласовское-2 наблюдается высокое морфологическое сходство ее с представителями популяций центрально-азиатского и байкальского антропологических типов североазиатской формации. Одонтологические характеристики погребенной оказались ближе к западно-сибирским комплексам, нежели к восточно-сибирским. Исследование показало выразительно хорошее состояние здоровья женщины, обеспеченное, по всей видимости, высоким уровнем жизни с детства и до момента смерти. Совокупность установленных в результате комплексных исследований особенностей захоронения и состояние костных останков погребенной позволяют предположить ее довольно высокий жизненный статус.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Саввин А.А. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 18.

Литература

Алексеев В.П. Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения // Тр. Киргиз. комплексн. археол.-этногр. экспедиции. М.: Наука, 1960. Т. 4. С. 269–364.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Алексеев В.П. Остеометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.

Асеев И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 208 с.

Багашев А.Н. Этническая антропология тоболо-иртышских татар. Новосибирск: Наука, 1993. 159 с.

Багашев А.Н. Хронологическая изменчивость краниологического типа нарымских селькупов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып. 3. С. 159–174.

Багашев А.Н., Ражев Д.И., Зубова А.В., Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Степанов А.Д., Кузьмин Я.В., Ходжинс Г.В.Л. Антропологическое исследование раннеякутского Атласовского погребения XIV–XV веков // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 44 (2). С. 137–147.

Беликова О.Б. Зырянский могильник конца XVI — XVII в. таежного Причумылья в свете археологии и археоботаники: (Опыт комплексного исследования одного кургана). Томск: Изд-во ТГУ, 2010. 432 с.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV — первая половина XVIII в.). СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2008. 776 с. (Historia Militaris).

Боброва А.И. К вопросу о реконструкции селькупского костюма по материалам могильника XVII века на Остяцкой горе: (К 60-летию исследований А.П. Дульзона у с. Молчанова) // Том. журнал лингвист. и антропол. исследований. 2015. № 1 (7). С. 82–94.

Боброва А.И., Бодрова А.Ш. Пояса XVII века из Прикетья: Особенности технологии и декора // Интеграция археологических и этнографических исследований: В 2 т. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. Т. 2. С. 34–43.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М. Раннеякутские средневековые погребения XIV–XVII вв.: Совокупность отличительных признаков // Сев.-Вост. гуманитар. вестник. 2015. № 3 (12). С. 27–32.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Николаев Е.Н., Петров Д.М., Сыроватский В.В., Багашев А.Н., Ражев Д.И., Пошехонова О.Е., Слепченко С.М., Алексеева Е.А., Кузьмин Я.В. Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхского погребения середины XV — начала XVI в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 90–109.

Женское погребение XVII в. Атласовское-2 из Центральной Якутии...

- Бравина Р.И., Попов В.В.* Погребально-поминальная обрядность якутов: Памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.
- Бравина Р.И., Попов В.В.* Погребения со следами огня у якутов // VI Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 85-летию со дня рождения Н.Н. Дикова и 50-летию образования СВКНИИ ДВО РАН. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2010. С. 150–152.
- Бужилова А.П.* Древнее население: (Палеопатологические аспекты исследования). М.: ИА РАН, 1995. 189 с.
- Герасимов М.М.* Основы восстановления лица по черепу. М.: Сов. наука, 1949. 188 с.
- Герасимов М.М.* Восстановление лица по черепу: (Современный и ископаемый человек) // ТИЭ. Н. С. Т. 28. М., 1955. 586 с.
- Гохман И.И.* Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики // Вопросы антропологии. 1961. № 8. С. 88–98.
- Гохман И.И.* Происхождение центральноазиатской расы в свете новых антропологических материалов // СМАЭ. Л.: Наука, 1980. Т. 36. С. 5–34.
- Гохман И.И.* Антропологические аспекты кетской проблемы: Результаты антропометрических и краниологических исследований // Кетский сборник. Л.: Наука, 1982. С. 9–42.
- Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В.* Енисейские кыргызы в центре Тувы: (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). М.: Фондамента-Пресс, 1998. 84 с.
- Грязнов М.П., Комарова М.Н., Лазаретов И.П., Поляков А.В., Пшеницына М.Н.* Могильник Кюргеннер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. СПб.: Петерб. Востоковедение, 2010. 200 с. (Archaeologica Petropolitana; Тр. ИИМК РАН; Т. XXXI).
- Гуненко Я.Д., Сенотрусова П.О.* Набор бронзовых изделий из погребения № 50 могильника Проспихинская Шивера-IV на Нижней Ангаре // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. Вып. VI. С. 68–74.
- Дашибалов Б.Б.* О самодийском субстрате в средневековых культурах Юго-Восточной Сибири // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 1. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 187–193.
- Дебец Г.Ф.* Антропологические исследования в Камчатской области // ТИЭ. М.: Наука, 1951. Т. 17. 264 с.
- Дебец Г.Ф.* Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 13–22.
- Дебец Г.Ф.* Палеоантропологические материалы из древнеберингоморских могильников Узлен и Эквен // С.А. Арутюнов, Д.А. Сергеев. Проблемы этнической истории Берингоморья: (Эквенский могильник). М.: Наука, 1975. С. 198–240.
- Долгих В.О.* О похоронном обряде кетов // СА. 1961. № 3. С. 102–112.
- Дремов В.А.* Краниология среднеобских хантов // Обские угры: Ханты и манси. М.: ИЭА РАН, 1991. С. 10–28.
- Дьяконов В.М., Афанасьев А.С.* Атласовское захоронение — новый памятник кулун-атахской культуры в Центральной Якутии // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности: Материалы XLIV Регион. (с междунар. участием) археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых. Кемерово: Изд-во КемГУ, 2004. С. 257–259.
- Дьяконов В.М., Степанов А.Д., Багашев А.Н., Ражев Д.И., Кузьмин Я.В., Ходжинс Г.В.Л.* Атласовское захоронение XIV–XV вв. кулун-атахской культуры в контексте проблем этногенеза якутов // Всадники Северной Азии и рождение этноса: Этногенез и этническая история саха: Материалы Всерос. интердисциплинар. науч. конф. с междунар. участием, посвященной 125-летию Г.В. Ксенофонтова и 100-летию Л.Н. Гумилева. Новосибирск: Наука, 2014. С. 233–240.
- Зубов А.А.* Одонтология: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.
- Исмагулов О.* Антропологическая характеристика современных казахов по данным краниологии // ТИЭ. М.: Наука, 1963. Т. 82. С. 65–95.
- Кулинский А.Н.* Русское холодное оружие XVIII–XX вв. Т. 1: Определитель. СПб.: Атлант, 2001. 384 с.
- Мамонова Н.Н.* Определение длины костей по их фрагментам // Вопросы антропологии. 1968. Вып. 29. С. 171–178.
- Николаев В.С.* Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV вв.: Усть-Талькинская культура. Владивосток; Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2004. 306 с.
- Павлинская Л.Р.* К вопросу об этнокультурных контактах бурят // Банзаровские чтения, посвященные 170-летию со дня рождения Доржи Банзарова. Улан-Удэ: БИОН СО РАН, 1992. С. 113–115.
- Полякова Г.Ф.* Бляхи-навершия головных уборов из Болгар // Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ): К 100-летию со дня рождения А.С. Брюсова. М., 1990. С. 138–141. (Тр. ГИМ; Вып. 74).
- Ражев Д.И.* Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: УрО РАН. 2009. 492 с.
- Розов Н.С.* Материалы по краниологии чулымцев и селькупов // ТИЭ. М.: Наука, 1956. Т. 33. С. 340–373.
- Саввинов А.И.* Традиционные металлические украшения якутов: XIX — начало XX века: (Историко-этнографическое исследование). Новосибирск: Наука, 2001. 171 с.
- Серошевский В.Л.* Якуты: Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 1993. 736 с.

- Томтосова Л.Ф. Новые материалы по краниологии современных якутов // СМАЭ. Л.: Наука, 1980. Т. 36. С. 121–129.
- Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 1998. 288 с.
- Цыбиктаров А.Д. Бурятия в древности: История (с древнейших времен до XVII века). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 1999. Вып. 3. 266 с.
- Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья: (Релкинская культура). Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 184 с.
- Чиндина Л.А. О ритуальной одежде селькупской женщины XVII века // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...». Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1995. С. 179–187.
- Шагланова О.В. Символика женских украшений восточных бурят: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2005. 20 с.
- Bass W.M. Human osteology: A laboratory and field manual. Columbia: Missouri Archaeological Society, 1987. 327 p.
- Buikstra J., Ubelaker D.H. (eds) Standards for data collection from human skeletal remains // Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History Organized by Johnathan Haes. Fayetteville AK: Arkansas Archeological Survey Research Series. 1994. No. 44.
- Lovejoy C.O. Dental wear in the Libben Population: Its Functional Pattern and Role in the Determination of Adult Skeletal Age at Death // Amer. Journ. of Phys. Anthropology. 1985. № 68. P. 47–56.
- Meindl R.S., Lovejoy C.O. Ectocranial Suture Closure: A Revised Method for the Determination of skeletal Age at Death Based on the Lateral-Anterior Sutures // Amer. Journ. of Phys. Anthropology. 1985. № 68. P. 57–66.
- Ortner D.J., Putschar W.G.J. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. Washington: Smithsonian Institution Press, 1985. 488 p.

**R.I. Bravina*, V.M. Dyakonov*, D.M. Petrov*, E.N. Solovyeva*, V.V. Syrovatskiy*,
A.N. Bagashev**, O.E. Poshekhonova**, S.M. Slepchenko**, D.I. Razhev**,
E.A. Alexeeva**, A.V. Zubova***, Ya.V. Kuzmin******

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Petrovskogo st., 1, 677027, Yakutsk, Russian Federation
E-mail: bravinari@bk.ru; dyakonov_vm@rambler.ru; dmpetrov-92@mail.ru;
lenasolo05@mail.ru; syrovatskiy123@gmail.com

**Institute of the Problems of Northern Development, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Malygina st., 86, 625003, Tyumen, Russian Federation
E-mail: bagashev@mail.ru; poshehonova.olg@gmail.com;
s_slepchenko@list.ru; rajevd0@gmail.com; alekseeva.elena.ae@gmail.com

***Peter the Great's Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences
University Emb., 3, St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: zubova_al@mail.ru

****V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
prosp. Acad. Koptyug, 3, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
E-mail: kuzmin@fulbrightmail.org

THE WOMAN'S BURIAL OF ATLASOVSKOE-2 OF THE XVII CENTURY IN CENTRAL YAKUTIA: RESULTS OF A COMPLEX RESEARCH

This article presents a complex study of the female burial of the XVII century in Central Yakutia. The burial rite (traces of ritual roasting of the coffin, orientation to the North) and composition of the accompanying inventory (a knife of the non-Yakut origin, a sphero-conical top part of a headdress with a support for a plume, twin overlaid decorative details of the headdress's crown, a composite pectoral panel picture of sewn-on patches, an earring in the form of a question mark with a biconical bead) determine the peculiarity of the burial, and their nearest parallels can be traced to the Medieval cultures of the Eurasian steppe and forest-steppe nomads, as well as to the population of the Siberian forest and tundra zones of the XVI–XIX centuries. Craniological characteristics of the buried woman draw her closer to the populations of Central Asian and Baikal anthropological types of the North Asian formation.

Key words: Central Yakutia, the Late Middle Ages, burial sites, the burial of Atlasovskoye-2, the Yakuts, craniometry, anthropological type, X-ray-spectral analysis, exchange of goods.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-044-063

REFERENCES

- Alekseev V.P., 1960. Kraniologija khakasov v sviazi s voprosami ikh proiskhozhdeniia [The craniology of the Khakas people in the connection with issues of their origin]. *Trudy Kirgizskoi kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii*, vol. 4, Moscow: Nauka, pp. 269–364.
- Alekseev V.P., 1966. *Osteometriia: Metodika antropologicheskikh issledovaniï* [Osteometry: A technique of anthropological research], Moscow: Nauka, 251 p.
- Aseev I.V., 2003. *Iugo-Vostochnaia Sibir' v epokhu kamnia i metalla* [South-East Siberia during The Stone and Iron Ages], Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN, 208 p.
- Bagashev A.N., 1993. *Etnicheskaia antropologija tobolo-irtyshskikh tatar* [Ethnic anthropology of the Tobol-Irtysh Tatars], Novosibirsk: Nauka, 159 p.
- Bagashev A.N., 2001. Khronologicheskaia izmenchivost' kraniologicheskogo tipa narymskikh sel'kupov [The chronological variability of the craniological type of the Narym Selkups]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 3, pp. 159–174.
- Bagashev A.N., Razhev D.I., Zubova A.V., Bravina R.I., D'iaconov V.M., Stepanov A.D., Kuz'min Ia.V., Hodgins G.W.L., 2016. Antropologicheskoe issledovanie ranneiakutskogo Atlasovskogo pogrebeniia XIV–XV vekov [A medieval Yakut burial near the Lake Atlasovskoye of the 14th–15th centuries: An anthropological study]. *Arkheologija, etnografiia i antropologija Evrazii*, no. 44 (2), pp. 137–147.
- Bass W.M., 1987. *Human osteology: A laboratory and field manual*. Columbia: Missouri Archaeological Society, 327 p.
- Belikova O.B., 2010. *Zyrianskii mogil'nik kontsa XVI–XVII v. taezhnogo Prichulym'ia v svete arkheologii i arkheobotaniki: (Opyt kompleksnogo issledovaniia odnogo kurgana)* [A Zyrian burial ground of the end of the XVI–XVII century in the taiga of the Chulym river area in terms of archeology and arhaeobotany: (An effort of a complex research of a barrow)], Tomsk: Izd-vo TGU, 432 p.
- Bobrov L.A., Khudiakov Iu.S., 2008. *Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noi Azii i luzhnoi Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ia i rannego Novogo vremeni (XV — pervaiia polovina XVIII v.)* [Armament and tactics of the nomads of Central Asia and Southern Siberia during the Late Medieval and Early Modern Ages (XV — first half of the XVIII century A.D.)], St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 776 p. (Historia Militaris).
- Bobrova A.I., 2015. K voprosu o rekonstruktsii sel'kupskogo kostiuma po materialam mogil'nika XVII veka na Ostiatskoi gore: (k 60-letiiu issledovaniï A.P. Dul'zona u s. Molchanova) [On reconstruction of the Selkup costume basing on the materials of the XVII century burial at the Ostyak mountain: (60th anniversary of the research by A.P. Dul'zon near the village of Molchanov)]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniï*, no. 1 (7), pp. 82–94.
- Bobrova A.I., Bodrova A.Sh., 2013. Poiasa XVII veka iz Priket'ia: Osobennosti tekhnologii i dekora [XVII century belts from the river Ket region: Features of the technology and decor]. *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniï: V 2 t.*, vol. 2, Irkutsk: Izd-vo IrGTU, pp. 34–43.
- Bravina R.I., D'iaconov V.M., 2015. Ranneiakutskie srednevekovye pogrebeniia XIV–XVII vv.: Sovokupnost' otlichitel'nykh priznakov [Early Yakut Medieval burials of the XIV–XVII centuries: Distinctive features]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, no. 3 (12), pp. 27–32.
- Bravina R.I., D'iaconov V.M., Nikolaev E.N., Petrov D.M., Syrovatskii V.V., Bagashev A.N., Razhev D.I., Poshekhonova O.E., Slepchenko S.M., Alekseeva E.A., Kuz'min Ia.V., 2016. Kompleksnoe issledovanie ranneiakutskogo Sergeliakhskogo pogrebeniia serediny XV — nachala XVI v. [A comprehensive study of the Early Yakut Burial of Sergelikh of the XV — beginning of the XVI century]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 4 (35), pp. 90–109.
- Bravina R.I., Popov V.V., 2008. *Pogrebal'no-pominal'naia obriadnost' iakutov: pamiatniki i traditsii (XV–XIX vv.)*. [The mortuary rites of the Yakut people: memorials and traditions (XV–XIX centuries)], Novosibirsk: Nauka, 296 p.
- Bravina R.I., Popov V.V., 2010. Pogrebeniia so sledami ognia u iakutov [Burials with fire traces among the Yakut people]. *VI Dikovskie chteniia: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashch. 85-letiiu so dnia rozhdeniia N.N. Dikova i 50-letiiu obrazovaniia SVKNII DVO RAN*, Magadan: SVKNII DVO RAN, pp.150–152.
- Buikstra J., Ubelaker D.H., 1994, (eds.). Standards for data collection from human skeletal remains. *Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History Organized by Johnathan Haes*, no. 44, Fayetteville AK: Arkansas Archeological Survey Research Series.
- Buzhilova A.P., 1995. *Drevnee naselenie: (Paleopatologicheskie aspekty issledovaniia)* [Ancient population: (Paleopathological aspects of the research)], Moscow: IA RAN, 189 p.
- Chindina L.A., 1991. *Istoriia Srednego Priob'ia v epokhu rannego srednevekov'ia: (Relkinskaia kul'tura)* [The history of the Middle Ob' area in the Early Middle Ages: (The Relkinskaya culture)], Tomsk: Izd-vo TGU, 184 p.
- Chindina L.A., 1995. O ritual'noi odezhde sel'kupskoi zhenshchiny XVII veka [About the ritual clothes of Selkup women in the XVII century]. «*Moia izbrannitsa nauka, nauka, bez kotoroi mne ne zhit'...*», Barnaul: Izd-vo AltGU, pp. 179–187.
- Dashibalov B.B., 2009. O samodiiskom substrate v srednevekovykh kul'turakh Iugo-Vostochnoi Sibiri [About the Samoyed substratum in the Medieval cultures of South-East Siberia]. *Sibirskii sbornik-1. Pogrebal'nyi obriad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii*, Kn. 1, St. Petersburg: Izd-vo MAE RAN, pp. 187–193.

- Debets G.F., 1951. Antropologicheskie issledovaniia v Kamchatskoi oblasti [Anthropological researches in Kamchatka region]. *Trudy Instituta etnografii*, vol. 17, Moscow: Nauka, 264 p.
- Debets G.F., 1968. Opyt kranioметрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР [An effort of craniometric determination of the Mongoloid component proportion in mixed groups of the USSR population]. *Problemy antropologii i istoricheskoi étnografii Azii*, Moscow: Nauka, pp. 13–22.
- Debets G.F., 1975. Paleoantropologicheskie materialy iz drevneberingomorskikh mogil'nikov Uelen i Ekven [Paleoanthropological materials of the burials of Uelen and Ekven of the Old Bering Sea culture]. S.A. Arutiunov, D.A. Sergeev. *Problemy etnicheskoi istorii Beringomor'ia (Ekvenskii mogil'nik)*, Moscow: Nauka, pp. 198–240.
- D'iaikonov V.M., Afanas'ev A.S., 2004. Atlasovskoe zakhoronenie — novyi pamiatnik kulun-atakhskoi kul'tury v Tsentral'noi Iakutii [The burial of Atlasovskoe, a new site of the Kulun-Atakh culture in Central Yakutia]. *Traditsionnye kul'tury i obshchestva Severnoi Azii s drevneishikh vremen do sovremennoi: Materialy XLIV Regional'noi (s mezhdunarodnym uchastiem) arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchennykh*, Kemerovo: Izdatel'stvo KemGU, pp. 257–259.
- D'iaikonov V.M., Stepanov A.D., Bagashev A.N., Razhev D.I., Kuz'min Ia.V., Hodgins G.W.L., 2014. Atlasovskoe zakhoronenie XIV–XV vv. kulun-atakhskoi kul'tury v kontekste problem etnogeneza iakutov [The Kulun-Atakh burial of Atlasovskoe of the XIV–XV centuries in the context of ethnogenesis of the Yakuts]. *Vsadniki Severnoi Azii i rozhdienie etnosa: Etnogenez i etnicheskaiia istoriia sakha: materialy Vserossiiskoi interdistitsiplinarnoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posviashchennoi 125-letiiu G.V. Ksenofontova i 100-letiiu L.N. Gumileva*, Novosibirsk: Nauka, pp. 233–240.
- Dolgikh V.O., 1961. O pokhoronnom obriade ketov [About the funeral rites of the Kets]. *Sovetskaia arkheologiya*, no. 3, pp.102–112.
- Dremov V.A., 1991. Kraniologiia sredneobskikh khantov [Craniology of the Khanty of the Middle Ob' river area]. *Obskie ugry: Khanty i mansi*, Moscow: IEA RAN, pp. 10–28.
- Gerasimov M.M., 1949. *Osnovy vosstanovleniia litsa po cherepu* [A guideline of recovery of face by the skull], Moscow: Sovetskaia nauka, 188 p.
- Gerasimov M.M., 1955. Vosstanovlenie litsa po cherepu (Sovremennyi i iskopaemyi chelovek) [Recovery of face by the skull (modern and fossil man)]. *Trudy IE AN SSSR, Novaiia seriia*, vol. 28, Moscow, 586 p.
- Gokhman I.I., 1961. Ugol poperechnogo izgiba lba i ego znachenie dlia rasovoi diagnostiki [The angle of lateral bending of the forehead and its significance for diagnostics of the race]. *Voprosy antropologii*, no. 8, pp. 88–98.
- Gokhman I.I., 1980. Proiskhozhdenie tsentral'noaziatskoi rasy v svete novykh antropologicheskikh materialov [The origin of the Central Asian race in terms of new anthropological materials]. *Sbornik MAE*, vol. 36, Leningrad: Nauka, pp. 5–34.
- Gokhman I.I., 1982. Antropologicheskie aspekty ketskoi problemy: Rezultaty antropometricheskikh i kranio-logicheskikh issledovaniy [Anthropological aspects of the Ket problem: Results of the anthropometric and cranio-logical studies]. *Ketskii sbornik*, Leningrad: Nauka, pp. 9–42.
- Grach A.D., Savinov D.G., Dluzhnevskaiia G.V., 1998. *Eniseiskie kyrgyzy v tsentre Tuvy: (Eilig-Khem III kak istochnik po srednevekovoi istorii Tuvy)* [The Yenisei Kyrgyz people in the center of Tuva: (Eilig Hem-III as a source on the Medieval history of Tuva)], Moscow: Fundamenta-Press, 84 p.
- Griaznov M.P., Komarova M.N., Lazarev I.P., Poliakov A.V., Pshenitsyna N.M., 2010. *Mogil'nik Kiurgenner epokhi pozdnei bronzy Srednego Eniseia* [Kyurgenner, a Late Bronze Age cemetery in the Middle Yenisei region], vol. 31, St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 200 p.
- Gunenko Ia.D., Senotrusova P.O., 2013. Nabor bronzovykh izdelii iz pogrebeniia № 50 mogil'nika Prospikhinskaiia Shivera IV na Nizhnei Angare [A set of bronze artifacts from the burial № 50 of the burial ground of Prospikhinskaya Shivera-IV of the Lower Angara river]. *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri*, 6, Krasnoarsk: Sibirskii federal'nyi universitet, pp. 68–74.
- Ismagulov O. I., 1963. Antropologicheskaiia kharakteristika sovremennykh kazakhov po dannym kranio-logii [The anthropological characteristics of the modern Kazakhs according to craniological data]. *Trudy IE AN SSSR*, vol. 82, Moscow: Nauka, pp. 65–95.
- Kulinskii A.N., 2001. *Russkoe kholodnoe oruzhie XVIII–XX vv.* [The Russian cold weapon of the XVIII–XX centuries], vol. 1, St. Petersburg: Atlant, 384 p.
- Lovejoy C.O., 1985. Dental wear in the Libben Population: Its Functional Pattern and Role in the Determination of Adult Skeletal Age at Death. *American Journal of Physical Anthropology*, no. 68, pp. 47–56.
- Mamonova N.N., 1968. Opredelenie dliny kostei po ikh fragmentam [Determination of the bone's length by their fragments]. *Voprosy antropologii*, 29, pp. 171–178.
- Meindl R.S., Lovejoy C.O., 1985. Ectocranial Suture Closure: A Revised Method for the Determination of skeletal Age at Death Based on the Lateral-Anterior Sutures. *American Journal of Physical Anthropology*, no. 68, pp. 57–66.
- Nikolaev V.S., 2004. *Pogrebal'nye komplekсы kochevnikov iuga Srednei Sibiri v XII–XIV vv.: Ust'-tal'kinskaia kul'tura* [Nomads' burial complexes of the South of Middle Siberia in the XII–XIV centuries: the Ust-Talkinskaya culture], Vladivostok; Irkutsk: Izd-vo IG SO RAN, 306 p.

Женское погребение XVII в. Атласовское-2 из Центральной Якутии...

- Ortner D.J., Putschar W.G.J., 1985. *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*. Washington: Smithsonian Institution Press, 488 p.
- Pavlińskaia L.R., 1992. K voprosu ob etnokul'turnykh kontaktakh buriat [Ethnocultural contacts of the Buryats revisited]. *Banzarovskie chteniia, posviashchennye 170-letiiu so dnia rozhdeniia Dorzhi Banzarova*, Ulan-Ude: BION SO RAN, pp. 113–115.
- Poliakova G.F., 1990. Bliakhi-navershiiia golovnykh uborov iz Bolgar [Final badges of headdresses from Bulgaria]. *Problemy arkhologii Evrazii (po materialam GIM), K 100-letiiu so dnia rozhdeniia A.S. Briusova. Trudy GIM*, 74, Moscow: GIM, pp. 138–141.
- Razhev D.I., 2009. *Bioantropologia naseleniia sargatskoi obshchnosti* [Bioanthropology of Sargat society], Ekaterinburg: UrO RAN, 492 p.
- Rozov N.S., 1956. Materialy po kraniologii chulymtsev i sel'kupov [Materials on craniology of the Chulymy and the Selkups]. *Trudy IE AN SSSR*, vol. 33, Moscow: Nauka, pp. 340–373.
- Savvinov A.I., 2001. *Traditsionnye metallicheskie ukrasheniia iakutov: XIX — nachalo XX veka: (Istoriko-etnograficheskoe issledovanie)* [Traditional metal jewelry of the Yakuts: XIX — early XX century: (Historical and ethnographic research)], Novosibirsk: Nauka, 171 p.
- Seroshevskii V.L., 1993. *Iakuty: Opyt etnograficheskogo issledovaniia* [The Yakuts: An effort of ethnographic research], 2-e izdanie, Moscow: ROSSPEN, 736 p.
- Shaglanova O.V., 2005. *Simvolika zhenskikh ukrashenii vostochnykh buriat* [Symbolics of women's jewelry of the Eastern Buryats]. Avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk, Ulan-Ude, 20 p.
- Tomtosova L.F., 1980. Novye materialy po kraniologii sovremennykh iakutov [New materials on craniology of the modern Yakuts]. *Sbornik MAE*, vol. 36, Leningrad: Nauka, pp. 121–129.
- Tsybiktarov A.D., 1991. *Buriatiia v drevnosti. Istoriiia (s drevneishikh vremen do XVII veka)* [Buryatia in the antiquity: History (from the ancient times until the XVII century)], 3, Ulan-Ude: Izd-vo Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta, 266 p.
- Tsybiktarov A.D., 1998. *Kul'tura plitochnykh mogil Mongolii i Zabaikal'ia* [The Slab grave culture of Mongolia and Transbaikalia], Ulan-Ude: Izd-vo Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta, 288 p.
- Zubov A.A., 1968. *Odontologija: Metodika antropologicheskikh issledovanij* [Odontology: Methods of anthropological research], Moscow: Nauka, 200 p.